

MPRA

Munich Personal RePEc Archive

Methodological Issues of the Structure of the Civil Legal Rule

Eremenko, Alexander

December 2010

Online at <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/55876/>

MPRA Paper No. 55876, posted 12 May 2014 19:18 UTC

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ НОРМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

А.С. Ерёменко

(доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Москва; 8 (495) 436-90 88)

В статье исследуется проблема структуры нормы гражданского права и рассматриваются понятия гипотезы, диспозиции и санкции. Подчеркивается взаимосвязь между гипотезой нормы гражданского права и юридическим основанием реализации гражданско-правовых последствий, с одной стороны, и между диспозицией нормы гражданского права и гражданско-правовым последствием, наступающим при наличии юридических оснований, предусмотренных в гипотезе нормы гражданского права, – с другой.

Ключевые слова: теория права, гражданское право, правоприменение, норма права, гипотеза, диспозиция, санкция, юридическое основание, юридическое последствие.

Норма гражданского права является собой базовую структурную единицу системы гражданского законодательства. Праворегулятивный и правоприменительный потенциал нормы гражданского права выражается через ее логическую структуру, соединяющую в себе юридические основания и последствия возникновения, течения, изменения и прекращения гражданских отношений [1, с. 87].

Проблема логической структуры норм права является достаточно изученной в юридической науке, представляя собой традиционную предметную область исследования общей теории права и теории отраслевых юридических наук.

Структурный анализ правовых явлений как один из эффективных методов познания права на теоретическом уровне возник сравнительно недавно. Сама проблема элементарно-структурного соотношения частей нормы права и ее логического построения как микросистемы уходит своими корнями в исторический период античности.

В Древнем Риме республиканской эпохи существовала сложная система форм права, к одной из которых относились законы – «leges». В основу понимания статуса римского закона, указывавшего на его источники, силу, характер предписаний и последствия их нарушения, был положен такой классификационный критерий, как санкция – «sanctio». Римский законодатель различал законы по их санкциям, которая

служила принципом образования системы закона, имевшего строго очерченную, формальную структуру. Римскому праву в целом были свойственны в высшей степени прагматизм и формализм, которые не могли не отразиться на частных, исключительных феноменах, бытовавших в этой правовой системе. Законодательный механизм Рима был достаточно эффективным и производил формальные законы, состоявшие: а) из надписи – «praescriptio», которая содержала сведения об обстоятельствах издания закона, а также об инициаторах и принявшем его народном собрании («populus»); б) контекста – «rogatio», который непосредственно состоял из формулировок закона; в) санкции – «sanctio»*, выступавшей в качестве определенной формулы, которая защищала закон от нарушений и иных злоупотреблений как со стороны граждан Рима, так и со стороны судей [2, с. 801, 884, 897].

Данная трехзвенная структура римского закона была порождением законо-

* «Sanctio» – нерушимый закон, незыблемое узаконение, строжайшее постановление, закон с указанием кары за его нарушение; договорная статья, оговорка (лат.); «Rogatio» – вопрос, запрос; внесение предложения, законопроект; просьба (лат.); «Praescriptio» – надпись, заголовок, заглавие; предписание, установление, определение, веление; возражение, отвод; оговорка; предлог (лат.).

дательной техники, изобретенной юристами Рима, и его имманентной логики, исходившей из фундаментальных начал древнеримского общества. Природа принципа тройственности, сопровождающего множество предметов и процессов объективной действительности и их связей друг с другом, имеет весьма объемное содержание, которое без достаточных к тому оснований, по тем или иным формальным признакам нельзя автоматически переносить на явления, хотя и связанные с ней генетически, однако не подчиняющие свою сущность этому сложнейшему принципу, вскрывающему глубинные уровни в структуре вещей. На наш взгляд, могла сложиться ситуация, когда эмпирический опыт, приобретенный исследователем в результате опосредованного восприятия юридической информации через материальные носители римских законов без проникновения в их логическую и юридическую сущность, пропитанную конкретно-историческими реалиями жизни людей, не был подвергнут адекватной теоретической обработке. Это могло стать причиной механистической экстраполяции внешних атрибутов древнеримских законов (которые в Средние века и в Новое время принимались за совершенную модель источника права практически безапелляционно) на релятивные правовые явления перспективных исторических периодов. Отмеченный фактор оказал колоссальное влияние на формирование юридического мировоззрения последующих эпох.

Из классической римской юрисконсультской триады «прескрипция – рогация – санкция» сложилась, в частности, вековая парадигма нормы права как первичного элемента закона, имеющего тройственную структуру.

Научную основу такого понимания строения нормы права заложили немецкие цивилисты и исследователи римского права, которые, заметим, толковали трехкомпонентную структуру римского закона в системе, не допуская ее дробления и дифференциации ее элементов, что могло бы привести к автономизации внутренних компонентов структуры и нарушить ло-

гику, издревле органично проводимую в формальном тексте римского закона. Вероятно, развитие научной мысли привело к тому, что в результате структурного понимания нормы права и вычленения из нее гипотезы, диспозиции и санкции большая по численности когорты ученых признала трехзвенную структуру нормы права как некую абстрактную модель, а не историческую основу юридической нормы в понятиях римского права.

На протяжении всего XX столетия отечественные правоведы аксиоматично принимали третичный догмат структуры нормы права, ведя оживленные диспуты о соотношении понятий гипотезы, диспозиции и санкции и механизме конструирования и применения норм при отсутствии какого-либо из названных элементов нормы права.

Скорее всего, аксиоматизация трехчленного строения нормы права является историческим стереотипом, не имеющим под собой твердой логической базы. Основной вопрос, проводящий демаркационную линию между спорящими кругами, до сих пор лежит в плоскости определения всех трех понятий и соединения их в один понятийный комплекс в рамках категории «норма права».

Общеизвестными в науке теории государства и права определениями понятий гипотезы, диспозиции и санкции нормы права, принимаемыми на вооружение отраслевыми юридическими науками, являются следующие. Гипотеза – это часть нормы права, закрепляющая условия, при которых возникают, изменяются и прекращаются права и обязанности субъектов права. Диспозицию определяют как часть нормы права, непосредственно закрепляющую права или обязанности субъектов права. Под санкцией нормы права понимают ее часть, в которой закреплены предписания о мерах принуждения за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей в отношении лица, нарушившего права и охраняемые законом интересы иных лиц [3, с. 392-393; 4, с. 562-564].

Бросающимся в глаза изъяном приведенных дефиниций является характер логи-

ческого строя определяемых в них понятий, который сконцентрирован в точке конструкции прав и обязанностей субъектов, что низводит теоретический статус этих дефиниций на уровень частных понятий. Очевидно, что всего лишь одна часть норм права закрепляет права и обязанности субъектов, тогда как другие нормы права формализуют принципы правового регулирования, действия и применения права, немалое число третьей группы норм устанавливает остальные организационные правила. Дефиниции структурных элементов нормы права как правовой универсалии должны опираться на обобщения родового порядка, обладающие свойством всеобщности.

Основной вопрос, поднимаемый в настоящей статье, заключается в характере и функциях взаимосвязи гипотезы, диспозиции и санкции норм гражданского права между собой, с одной стороны, и взаимосвязи гипотезы и диспозиции с юридическими основаниями и гражданско-правовыми последствиями, с другой [5, с. 50-51, 128].

Наиболее ярко характер взаимосвязи гипотезы и диспозиции отражает бинарная логическая связка, именуемая импликацией. По своей смысловой конструкции импликация приближена к структуре двойного подчинительного союза «если... то», с помощью которого грамматически образуются сложноподчиненные предложения [6, с. 486].

Для демонстрации логико-функциональной зависимости понятий гипотезы и диспозиции нормы права используется прием, сводящийся к приведению конструкции, представляющей собой законодательный текст нормы, в импlicative форму, то есть приданию ей вида сложноподчиненного предложения условия, главное (антецедент) и придаточное (логическое следствие) предложения в котором соединены двойным подчинительным союзом «если... то».

В абзаце 2 п. 1 ст. 4 Гражданского кодекса РФ от 30 ноября 1994 г. (далее – Гражданский кодекс) [7] содержится норма, согласно которой действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в

случаях, когда это прямо предусмотрено законом.

Данную норму гражданского права можно представить в таком импlicative виде: «Если в законе прямо предусмотрено, что он распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, то закон применяется к таким отношениям». Из перефразированного контекста нормы абз. 2 п. 1 ст. 4 Гражданского кодекса можно увидеть, что смысловой центр данной нормы, который помещен законодателем в диспозицию, перенесен в гипотезу нормы, сконструированную в импlicative виде. Это продиктовано морфологическими и грамматическими закономерностями функционирования сложноподчиненного предложения, смысловое ядро которого несет в себе главное предложение, а придаточное предложение является развитием, продолжением смысла, запечатленного в главном предложении. В таком порядке отражается и взаимосвязь между причиной и следствием, в силу которой причина обосновывает собой процесс наступления следствия и его логический результат.

Необходимо отметить, что в текстах нормативных правовых актов достаточно редко встречаются «чистые» конструкции норм, полностью удовлетворяющие импlicative требованиям. Примеры «чистых» норм гражданского права, сконструированных по правилам импlicative связок, образуют немногочисленный ряд статей общей и специальной частей Гражданского кодекса (в частности, абз. 2 п. 3 ст. 157, ст. 204, абз. 1 п. 1 ст. 394, абз. 2 п. 2 ст. 408, абз. 1 п. 4 ст. 469, п. 2 ст. 474).

Если обобщить логический контекст приведенных выше определений гипотезы и диспозиции, устоявшихся в науке, то можно заключить, что гипотеза соотносится с такими философскими понятиями, как основание и причина, в категорических парах «основание – следствие» и «причина – действие (следствие)». Гипотеза выступает основанием и причиной возникновения следствий (действий), предусмотренных в диспозиции нормы гражданского права.

Диспозиция представляет собой логическое последствие основания, сформули-

рованного в гипотезе нормы. В данном случае гипотеза обосновывает собой то следствие, которое закреплено в виде той или иной нормативной формулы в диспозиции нормы права. Связь между диспозицией и гипотезой является связью генетической, поднимающей на поверхность причинное отношение между одним явлением – гипотезой и другим явлением – диспозицией.

В п. 2 ст. 481 Гражданского кодекса предусмотрено, что если договором купли-продажи не определены требования к таре и упаковке, то товар должен быть затарен и (или) упакован обычным для такого товара способом, а при отсутствии такого способа, обеспечивающим сохранность товаров такого рода при обычных условиях хранения и транспортирования.

Формула «если договором купли-продажи не определены требования к таре и упаковке» является гипотезой приведенной нормы, тогда как конструкция «то товар должен быть затарен и (или) упакован обычным для такого товара способом, а при отсутствии такого способом, обеспечивающим сохранность товаров такого рода при обычных условиях хранения и транспортирования» – ее диспозицией. Диспозиция данной нормы гражданского права применяется только при наличии условия, сформулированного в ее гипотезе. Так, если в договоре купли-продажи стороны предусмотрели специальные правила об упаковке, то, очевидно, условие, предусмотренное в гипотезе нормы п. 2 ст. 481 Гражданского кодекса, будет заведомо невыполнимо, что исключает применение диспозиции данной нормы: отсутствующая причина отрицает действие; отсутствующее основание исключает следствие.

Принципиальным является вопрос о соотношении понятий диспозиции и санкции. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уяснить функциональную природу этих структурных единиц нормы права и их организационное место в нормативной системе единичного правила, обеспечиваемого общеобязательной силой закона.

Диспозиция предусматривает правило, определяющее поведение лица, устанав-

ливая состав прав и обязанностей субъекта права, которые возникают, продолжаются, изменяются и прекращаются при одновременном фактическом наличии оснований, предусмотренных в гипотезе нормы.

Обязанности, описанные в диспозиции нормы, могут носить как добровольный, так принудительный характер. Принудительность юридической обязанности обеспечивается императивностью закона, которая означает, что для эффективного исполнения обязанности может быть задействован аппарат государственного принуждения, а неисполнение либо ненадлежащее исполнение такой обязанности при достаточных к тому юридических основаниях может повлечь для лица определенные неблагоприятные правовые последствия, выражающиеся в имущественных (например, изъятие вещи, уплата штрафа) либо неимущественных лишениях (например, публично-правовое ограничение права передвижения, запрещение распоряжаться имуществом, на которое наложен арест), что не освобождает нарушителя от исполнения обязанности (например, в натуре).

Добровольность обязанности понимается как принцип организации отношений гражданского оборота. Лицо, участвующее в гражданских отношениях, приобретает и осуществляет гражданские права своей волей и в своем интересе и действует на началах равенства, автономии воли и имущественной самостоятельности, добровольно принимая на себя гражданские обязанности (абз. 1 п. 2 ст. 1, абз. 1 п. 1 ст. 2, абз. 2 п. 1 ст. 421 Гражданского кодекса).

Таким образом, диспозиция нормы гражданского права представляет собой правовое последствие, которое возникает из юридического основания, формулируемого в гипотезе этой нормы.

Санкция нормы так же, как и диспозиция, включает в себе формулы правовых последствий, выражающихся в обязанности претерпеть установленные в данной санкции «privatio» – лишения. Предусмотренные санкцией нормы последствия возникают при наличии определенных оснований, их порождающих, на уровне причинной зависимости. Очевидно, что таким основа-

нием является нарушение обязанности совершить действие либо воздержаться от его совершения, которая установлена в законе, обычае или договоре. Но если санкция предусматривает не что иное, как состав правовых последствий, то не совпадает ли она, по крайней мере по смыслу, с диспозицией?

Известная лексико-грамматическая формула «если – то – иначе», придающая лаконичный вид нормативным конструкциям гипотезы, диспозиции и санкции, позволяет отыскать приоритетный критерий дифференциации пар взаимосвязи «гипотеза – диспозиция» и «гипотеза – санкция».

Гипотеза определяет правило, служащее основанием правового последствия. Сама гипотеза состава правовых последствий установить не может, будучи иницирующим элементом нормы – ее основанием, фундаментом. Облекаемое в грамматическую форму первой части двойного подчинительного союза «если... то», смысловое наполнение гипотезы осуществляется через определение гипотетической модели поведения лица – юридической возможности действовать или бездействовать, которая возникает у субъекта права только при данных конкретных условиях.

Диспозиция нормы права, содержательный контекст которой согласуется с грамматическими свойствами второй части двойного условного подчинительного союза «если... то», определяет состав правовых последствий наступления обстоятельств, условие о наличии которых раскрывается в главном предложении, открывающемся первой частью данного двойного подчинительного союза («если»).

Благодаря своей сложной логико-нормативной структуре норма права принимает лексико-грамматический вид сложноподчиненного предложения. Грамматически и морфологически подчинительные союзы в условных сложноподчиненных предложениях являются двойными и неотделимыми друг от друга. Эта лингвистическая сущность предложения как лексической формы нормы права детерминирует генетическую и логическую связь одной части нормы – гипотезы, выступающей главным предложением, с другой ее частью – диспозицией

или санкцией, структурированными в виде придаточного предложения.

Решающее отличие диспозиции от санкции нормы права заключается, с одной стороны, в характере правовых последствий, состав которых фиксируется, соответственно, в диспозиции или санкции, и в лексическом и грамматическом порядке передачи нормативной информации, которая приобретает форму общеобязательного правила, облекаемого в структуру диспозиции или санкции нормы, с другой стороны.

В диспозиции нормы гражданского права законодатель конструирует правило, форма (юридическая фразеология) и содержание (юридический контекст) которого предопределяются правомерностью самой сущности и механизма поведения субъектов правоотношений. Посредством объективации данного правила в диспозиции нормы проводится политика правового воздействия на лиц через механизм юридического дозволения.

В санкции нормы права конституируется правило, выводимое из самой противоправной природы и неправомерности механизма действия либо бездействия субъекта права, которые законодательно смоделированы в виде основания применения данного правила, отраженного в гипотезе нормы права. Состав правовых последствий наступления определенных в гипотезе оснований, который формализован в санкции нормы, носит запретительный либо ограничительный характер. Санкция – определено неблагоприятное для субъекта права правовое последствие, которое состоит в реализации в отношении его предусмотренных в законе репрессий.

Справедливым представляется мнение о том, что санкция и диспозиция нормы права суть одно и то же правовое явление, видоизменяемое в зависимости от конкретных условий и целей правового регулирования. Норма права в единстве ее структурных элементов как основной инструмент правового воздействия на общественные отношения должна приводиться в функциональную зависимость от типа социального поведения субъектов права, в том числе

от детерминизма правомерного и противоправного [8, с. 186; 9, с. 203; 10; 11].

Юридический запрет, лежащий в основе понятия санкции нормы права, моделируется в виде конкретного обстоятельства, сам факт наступления которого и связанные с ним последствия носят прогнаторный либо нежелательный характер. Запрет – это предписание, сформулированное в виде действия либо бездействия, которых следует устраняться при обычных условиях поддерживаемого правом порядка. Поведенческая формула юридического запрета выражается в противоположном ему юридически значимом акте воли и сознания лица. Именно на основании запрета, подчиняясь его логике, законодатель конструирует охранительную норму, адресуя ее правоприменителю.

Очевидно, что санкция представляет собой состав неблагоприятных правовых последствий, возникающих либо могущих возникнуть только при одновременном фактическом наличии всех предусмотренных в гипотезе нормы обстоятельств, то есть при одновременном фактическом наличии состава юридических оснований, предусмотренного в гипотезе нормы. Санкция, таким образом, является специальной разновидностью диспозиции нормы, в которой формализуется состав неблагоприятных правовых последствий. Логика права заключается в том, что нормальный порядок, обычные условия гражданского оборота образуют систему общих норм и универсального режима правового регулирования, обуславливая действие и применение общих правил, тогда как исключительные, экстраординарные условия правовой действительности вызывают необходимость сингуляризации, выявления в положительном и отрицательном смысле единичного в среде, воспроизводящей регулируемые гражданским правом отношения. Общее правило, общий порядок универсализируют режим действия и применения норм права и механизм правового регулирования в целом, а специальное правило и исключительный порядок, наоборот, сингуляризируют этот режим. Таким образом, диспозиция и санкция являются

либо соподчиненными понятиями, либо зависимыми понятиями, которые соотносятся друг с другом как общее (диспозиция) и особенное (санкция). Именно такая последовательность данного соотношения продиктована всеобщим принципом действия и применения права, нацеленным на создание, укрепление и развитие обычного, нормального порядка в обществе людей, основанного на презумпции правомерности поведения участников регулируемых правом отношений. Однако, отметим, что природа и логика соотношения диспозиции и санкции делают целесообразным введение в научный оборот некоего объединяющего оба этих понятия термина, обеспечивающего терминологическую аккуратность.

На наш взгляд, вывод о том, что санкция – это такая часть нормы, которая содержит состав негативных правовых последствий наступления либо возможности наступления юридически значимых оснований, предусмотренных в ее гипотезе, в методологическом плане снимает исторически сложившееся противоречие, во-первых, между тезисами о трехчленном либо двучленном строении нормы в пользу бинарности структуры нормы и, во-вторых, между понятийными контекстами категорий «диспозиция» и «санкция» норм права в пользу их денотационного сближения.

Первый аспект имеет важное значение для логического обоснования юридической и лингвистической взаимосвязи между гипотезой и диспозицией (санкцией). Второй пункт играет главную роль в смещении идеологических акцентов с таких семантических узлов понятий диспозиции нормы и санкции нормы, как «правило поведения» (для диспозиций) и «государственное принуждение» (для санкций), и актуализации их на интегрирующем спорную семантику понятии «правовое последствие», которое прочно сцепляется с понятием «юридическое основание», заключаемым в гипотезе нормы.

Кардинальное различие между санкцией и диспозицией нормы обнаруживается в ценностной ориентации правовых последствий действия и применения нормы права в отношении конкретного субъек-

екта, которая выражается в их благоприятности либо неблагоприятности. Вопрос же о государственном принуждении целиком поглощается проблемой реализации предусмотренных в диспозиции или санкции последствий и механизма данной реализации, осуществляемого на началах добровольности или принудительности.

Дискуссионным является вопрос о существовании санкций в нормах гражданского права.

Если рассматривать проблему санкции нормы гражданского права в разрезе правовых последствий наступления либо возможности наступления юридически значимых оснований, которые предусмотрены в гипотезе данной нормы, и их статуса, связанного с неблагоприятным эффектом реализации этих последствий, то можно предварительно заключить, что санкции определенно имеют место в логической структуре нормы гражданского права.

Выше говорилось о том, что зависимость между гипотезой и санкцией нормы проявляется в механизме взаимодействия юридического запрета и неправомерного поведения субъекта права. Если арсенал средств гражданско-правового регулирования дополняется элементами юридических запретов и ограничений, то вполне обоснованным является утверждение о том, что норма гражданского права может содержать состав правовых последствий, возникающих либо могущих возникнуть в результате нарушения лицом запретов и ограничений как оснований движения гражданских прав и обязанностей, которые устанавливаются в гипотезе данной нормы.

В ст. 588 Гражданского кодекса предусмотрено, что за просрочку выплаты ренты плательщик ренты уплачивает получателю ренты проценты, предусмотренные ст. 395 указанного Кодекса, если иной размер процентов не установлен договором ренты. Данная статья устанавливает принципы ответственности плательщика ренты как стороны договора ренты или пожизненного содержания с иждивением.

Гипотезу данной статьи образует конструкция «если иной размер процентов не установлен договором ренты», которая

понимается как юридическое основание гражданских прав и обязанностей сторон договора. При этом не следует односторонне трактовать состав предусмотренных в данной гипотезе юридических оснований как отсутствие в договоре ренты иного предусмотренного размера процентов, и только. В состав юридических оснований, которые предусмотрены в гипотезе нормы, помимо обстоятельств, связанных с уплатой процентов и порядком определения их размера, включаются также обстоятельства, свидетельствующие, в частности, о наличии вины и убытков как начал имущественной ответственности. Таким образом, гипотеза данной нормы априорно исходит из факта ответственности должника, допуская условие об определении размера процентов по договору ренты как основание данных конкретных гражданско-правовых последствий.

Согласно п. 1 ст. 395 Гражданского кодекса за пользование чужими денежными средствами вследствие их *неправомерного* удержания, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате либо неосновательного получения или сбережения за счет другого лица подлежат уплате проценты на сумму этих средств. Следовательно, проценты за пользование чужими денежными средствами – это гражданско-правовая форма древнеримской *privatio*, то есть лишения как неблагоприятного правового последствия совершения имеющих юридическое значение неправомерных действий либо бездействия, обладающая общей с уголовно-правовым институтом наказания природой. Кроме того, на момент неправомерности действий и неблагоприятности правовых последствий указывает, во-первых, то, что нормы об ответственности за неисполнение денежного обязательства помещены в главу 25 Гражданского кодекса, называющуюся «Ответственность за нарушение обязательства», и подчинены правовой логике этой главы, и, во-вторых, то, что диспозиция рассматриваемой нормы сконструирована с использованием гражданско-правового понятия «просрочка», которое входит в тезаурус института имущественной ответственности и харак-

теризует понятийный комплекс «гражданское правонарушение».

В качестве диспозиции данной нормы ст. 588 Гражданского кодекса использована формула «за просрочку выплаты ренты плательщик ренты уплачивает получателю ренты проценты, предусмотренные статьей 395 настоящего Кодекса». При наличии оснований, предусмотренных в гипотезе данной нормы, а именно: если должник просрочил исполнение по договору ренты и в данном договоре не предусмотрен иной размер процентов за пользование чужими денежными средствами, наступают гражданско-правовые последствия, неблагоприятные для лица, которое не исполнило обязательство, и состоящие в уплате предусмотренных ст. 395 Кодекса процентов как своеобразной частноправовой репрессии, характерной для санкций норм.

Ряд примеров норм гражданского права, содержащих санкции, можно продолжить (п.п. 2, 3 ст. 73, абз. 2 п. 2 ст. 147, п. 5 ст. 152, ст.ст. 795, 796, 1022 и т.д. Гражданского кодекса). Очевидно, что нормы, построенные на схеме «гипотеза – санкция», могут располагаться и в общей, и в особенной частях гражданского права.

Из сказанного выше следует, что нормы гражданского права являются бинарными, то есть двучленными, нормами права и в качестве структурных единиц могут иметь как диспозиции, понимаемые как состав гражданско-правовых последствий в позитивном для должника смысле, так и санкции, интерпретируемые как состав гражданско-правовых последствий с позиций отрицательного значения их характера для должника [12, р. 470-471].

Стержневым является вопрос об определении вектора благоприятности гражданско-правовых последствий. По-видимому, одни и те же правовые последствия, предусмотренные в диспозиции (санкции) нормы гражданского права, могут быть одновременно благоприятными для одних лиц (например, кредиторов) и неблагоприятными для других лиц (в частности, для должников) при сопоставимых условиях времени, места и способа исполнения обязательства. При таких обстоятельствах логически

обоснованным и целесообразным является ориентация на римскую максиму, возведенную в ранг принципа гражданского законодательства Российской Федерации, которая облечена в формулу: «*in dubio pro geo*». Эта формула может быть истолкована с материально-правовой (при наличии оснований сомневаться в осуществлении должником принадлежащих ему прав и обязанностей добросовестно и разумно его добросовестность и разумность предполагаются) и процессуально-правовой (при наличии оснований сомневаться в доказанности либо недоказанности требуемых фактов дело должно разрешаться в пользу отвечающей стороны, то есть должника – «*teus*») точек зрения. В основе обеих точек зрения лежит презумпция добросовестности и разумности должника (п. 3 ст. 10 Гражданского кодекса), ставшая важнейшим обобщением практического опыта римских юристов и служащая нам сегодня ценностной правоприменительной установкой.

Таким образом, при определении благоприятного статуса гражданско-правового последствия, влияющего на дифференциацию диспозиции и санкции нормы гражданского права, мы должны исходить из правового положения должника как стороны в гражданском отношении.

Для оптимизации нормативного контекста норм при их конструировании законодатель может прибегать к использованию только отдельных частей – гипотез либо диспозиций – норм гражданского права, а не всего их информационно-структурного массива, в частности, при построении норм-дефиниций и норм-принципов. Так, в абз. 1 п. 1 ст. 4 Гражданского кодекса содержится норма, состоящая только из диспозиции: «Акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие». Гипотеза данной нормы, которая может быть воссоздана в виде: «Если нормативные правовые акты составляют гражданское законодательство...», «уведена» в ее подтекст – бланкирована, то есть гипотеза сформулирована в какой-то иной норме гражданского права, прямая отсылка к которой отсутствует. В

силу принципа системности гражданского законодательства искомая гипотеза может быть извлечена из той статьи, которая посвящена понятию гражданского законодательства и его актов (ст. 3 Гражданского кодекса). Этот имплицитный метод оправдан, главным образом, юридико-техническими целью и задачами, будучи основан на принципе лексической открытости и полнотности текста нормативного правового акта, и обращен против громоздких законодательных формулировок.

Теоретизация описываемых явлений может вызвать затруднения в установлении того, из какой именно структурной единицы – гипотезы или диспозиции состоит данная конкретная норма гражданского права. По всей видимости, в этом случае вопрос должен однозначно решаться в пользу диспозиции по правилу конкуренции общего и специального (конкурентному принципу), направленному на создание условий эффективного применения норм гражданского права. В практической плоскости возникновение данного вопроса является маловероятным.

Гипотеза нормы гражданского права тесно связана с понятием юридической квалификации. Суд, применяя к спорным отношениям норму гражданского права, устанавливает состав юридически значимых оснований реализации гражданско-правовых последствий, зафиксированных в диспозиции этой нормы. Результатом установления всех необходимых и достаточных элементов состава юридически значимых оснований (фактических обстоятельств), смоделированных в гипотезе нормы гражданского права, является квалификация гражданского отношения. Реализация *de facto* и *de jure* правовых последствий, закрепленных в диспозиции нормы гражданского права, наступление либо возможность наступления которых связывается с наличием данных конкретных юридических оснований, осуществляется в форме применения данной конкретной нормы гражданского права как социально положительный (то есть полезный в общесоциальном смысле, общественно значимый) результат

правомерной деятельности правомочного субъекта – правоприменителя.

Гипотеза нормы гражданского права – это ее структурная единица, определяющая состав юридических оснований наступления либо возможности наступления данных конкретных гражданско-правовых последствий.

Диспозиция нормы гражданского права – это ее структурная единица, определяющая состав гражданско-правовых последствий, которые неизбежно возникают при одновременном фактическом наличии данных конкретных юридических оснований.

Санкция нормы гражданского права – это специальная диспозиция, определяющая состав неблагоприятных для субъекта гражданских прав правовых последствий, которые неизбежно возникают при одновременном фактическом наличии данных конкретных юридических оснований (неисполнение либо ненадлежащее исполнение обязательства; причинение вреда; наличие либо отсутствие вины; обстоятельства, освобождающие от ответственности; злоупотребление гражданскими правами и т.д.).

Составление имплицитивной формулы нормы, извлекаемой из текста закона, должно предварять обнаружение логического ядра конструкции нормы, упорядочивающего отношения зависимости между главным и придаточным предложениями в ряду импликации. Иными словами, принципиально важно идентифицировать одну часть нормы с юридическим основанием, а другую – с правовым последствием возникновения либо возможности возникновения этого юридического основания, устанавливая причинную связь между гипотезой и диспозицией нормы гражданского права.

Понимание закономерностей логической структуры нормы права, раскрывающих механизм соотношения гипотезы и диспозиции нормы, соотношения юридического основания и возникающего из него правового последствия, позволяет решать на качественном методологическом уровне важные практические задачи юридической квалификации гражданских отношений,

толкования и применения норм гражданского права.

Механизм соотношения структурных элементов норм гражданского права и их формализации в юридических основаниях и гражданско-правовых последствиях выступает в качестве одного из инструментов обеспечения эффективности гражданского правоприменения, нацеленного на установление и поддержание правопорядка в системе гражданского оборота.

1. Ерёменко А.С. Применение гражданского закона. Пропедевтический очерк: монография. М.: Ваш полиграфический партнер, 2010. 218 с.

2. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь: Около 50 000 слов. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

3. Общая теория права и государства: учебник для юридических вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма – Инфра-М, 1999. 832 с.

4. Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. Т. 2 / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007. 816 с.

5. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. М.: Статут, 2005. 494 с.

6. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров; редкол. А.А. Гусев [и др.]. Изд. 4-е. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 1600 с.

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая, вторая, третья, четвертая) от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ; ред. от 27 дек. 2009 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301; 1999. № 28. Ст. 3471; 2009. № 1. Ст. 20.

8. Курылев С.В. О структуре юридической нормы // Труды Иркутск. ун-та. Иркутск, 1958. Т. 27. Вып. 4. С. 172-189 (Серия «Юридические науки»).

9. Флейшиц Е.А. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории права. М.: Госюриздат, 1960. С. 194-254.

10. Черданцев А.Ф. Специализация и структура норм права // Правоведение. 1970. № 1. С. 41-49.

11. Братусь С.Н. Спорные вопросы теории юридической ответственности // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 27-35.

12. The great legal philosophers: Selected readings in jurisprudence / Edited by Clarence Morris. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1997. 577 p.